

Марк Эпштейн

«Ты ведь знал, Господь, что я не солгу...»

* * *

В душном августе небо разъято,
И на даче лежишь нагишом,
Видишь звезды в четыре карата
В черном небе своем небольшом,

Бортовые огни самолета,
След туманный кометы, за ним
Ближе к полночи – ангелов рота
И трассирующий серафим.

Никогда головного убора
Не снимай. Не крестись. Вдалеке
Не ищи ту сосну, над которой
Небожитель заходит в пике.

Потому что я видел от века
(и рассказывал часто врачу),
Как слепая душа человека
Римскую вдруг давала свечу.

* * *

В секретере отца моего –
Ничего, но такая свобода,
Что, когда я курочу его,
Светлый ангел цинкует у входа.

Пустотою наполнивший рот,
Пробираюсь поближе к пределу,
Где Орфей свою арфу берет
Или Мэрилин М. – укулелу,

Но никто не пускается в пляс,
Ложками не стучит по колену.
Много света, но нет пары глаз,
Что могли бы заснять эту сцену.

Значит, я не умру на миру,
Что чрезмерной не кажется платой
Среди тех, кто ушел сквозь дыру
Из восьмерки бухой, дурноватой.

* * *

Дается город. Черная рука
чертеж чертила. Вызывает рвоту
зловоние гниющего белка.
Святых отсюда вынесли в субботу.

Теперь четверг. Куда же вы, куда,
златые дни? Уйдет еще не старым
мужик. Его заевшая среда
ему в затылок дышит перегаром.

Не стоит лгать, что дел невпроворот.
В костюмчике ли, в робе ли армейской,
ну с кем он станет биться на живот
в стране, где блядь – всему судья третейский?

Лазурь светла, тиха. Господь, взгляни:
он тоже не движение протеста,
когда сидит под деревом в тени,
где никому уже не хватит места.

Начертит круг и пот сотрет с лица,
в Писании совсем мышей не ловит:
здесь Вия он поймает на живца
и место вознесенья приготовит.

* * *

Говорю я, а в ответ – ни гу-гу,
А я к этому еще не привык.
Ты ведь знал, Господь, что я не солгу,
Оттого-то и не вырвал язык.

Что успею я еще намолоть,
Ты, пожалуйста, считай за оброк...

.....
А в Сионе вечно славен Господь
И – с заточенною ложкой – пророк.

С легким треском перепончатых крыл
Я продолжу то, что выбрал из дел, –
Барражировать над тем, что любил,
Но быстрее, чем при жизни умел.

* * *

Если осень, то слякоть,
Зимой – метель,
И, конечно, смеется над нами
Брат, играющий в теннис, окончивший Йель
И не любящий водки с блинами.

Если будет беда, не подставит плечо,
Что ни слово – петля или яма...
Отчего он крошку не любит, сучок,
Не болеет, говно, за Динамо?

Человек говорит. Опрокинет стопарь
Или пять за свои именины,
А уснет – станет Бог, или раб, или царь,
Или Штольц Среднерусской равнины.

Вот идет он по полю с барсеткой в руке,
А к нему с полустанка навстречу
Катерина, крестьянка в цветастом платке, –
Катерина, давай онемечу!

Снег лежит на деревне заброшенной, где
Тараканы согреются бегом.
Он выходит, накинув шинель, по нужде
В огороды, покрытые снегом.

* * *

Есть места, где сидел он, что твой зека,
Пострашнее московского кабака,
Но увидеть чертей не хватило денег.
И тонул, и думал – сейчас умру,
засыпал за нечистым столом, к утру
точно злой чечен выползал на берег.

И об этом стихи написал. Потом
их читал до рассвета жене с котом.
В сорок пять было слишком рано,
в сорок шесть – пора: отплывает он
поглядеть на чудовище скорпион
в дальних землях пресвитера Иоанна.

Есть моря, где играет морской монах,
нереиды, сирены и зверь Зидрах,
Божье небо, однако, близко.
И когда останавливается вода,
шестикрылый кричит – человек, сюда!
У меня для тебя записка.

Не пуститься вплавь, не взлететь орлом –
только посуху. Вот и ходи кругом,
так гуляют здесь, в Ultima Thule...
Человек замерзает, гортань саднит,
где Набоков с сирином говорит
и раскачивается на стуле.

* * *

Как сказал один уркаган,
не дает понять барабан,
чья на нем натянута кожа.
Захмелевшие на пиру,
с Кончаком князь Игорь – в буру,
половецких жен не тревожа.

Что я делаю? Говорю.
Изменившийся к январю,
разве я говорю с эпохой?
В благодарность за хлеб и кров
вон – ведет хазар Гумилев
на Отчизну, которой похер.

Для чего мутабор быка
в бога Зевса – приращением языка
вплоть до вырванного султаном?
Глянь – сидит кабан имярек,
не поднимет ленивых век,
за молчок награжден кафтаном.

Что же делать, пенять кому
с текстом, сделанным по уму,
и кому выносить парашу?
Это водки ночной прилив.
Слава Богу, я говорлив,
положил на легенду вашу.